
РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+291.212:4

Рецензия на монографию: Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции)

ПЕТРОЗАВОДСК: ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТРГУ. 2006. — 448 с. с илл., табл.

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ФИШМАН

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Северо-Запада России и Прибалтики

e-mail: olga_fishman@mail.ru

Статья представляет собой рецензию на монографию известной исследовательницы И.Ю. Винокуровой «Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции)». Анализ содержания, цели, задач и авторской методики этой фундаментальной работы осуществлен в контексте современной вепсологии и проблематики культа животных. Это многолетнее, абсолютно оригинальное комплексное исследование «вепсской галереи животного мира» — не только первый опыт ее реконструкции. Использование автором междисциплинарных подходов демонстрирует возможности постановки и разрешения сложнейших задач изучения традиционного мировоззрения и его эволюции на примере аморфных и во многом утраченных зоолатрических представлений небольшого прибалтийско-финского народа. Осмыслению «зоологического кода» вепсской культуры способствовали массовый полевой материал, собранный И.Ю. Винокуровой, а также выявленные ею отечественные и зарубежные фольклорные и лингвистические источники.

Ключевые слова: вепсы, животные, мировоззрение, реконструкция, монография, рецензия.

UDC 39+291.212:4

Review of I.Yu. Vinokurova's Monograph "Animals in the Traditional World Outlook of the Veps People (Experiment at Reconstruction)"

PETROZAVODSK UNIVERSITY PUBLISHERS. 2006 — 448 pp. with illustrations and tables

OLGA M. FISHMAN, D.Sc. (History)

Head, Dept. of the Russian North-West and Baltic Peoples

Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg

e-mail: olga_fishman@mail.ru

The article reviews the monograph titled "Animals in the Traditional World Outlook of the Veps People (An Experiment at Reconstruction)" by the famous scholar I.Yu. Vinokurova. The content, objectives and methodology of this fundamental work are in full accord with the context of contemporary Vepsology and animal cult perceptions. This absolutely original work of many years' study is a complex research into the gallery of "The Veps' Animal World" — indeed, the first attempt at reconstructing it. The writer uses various interdisciplinary approaches to demonstrate the potentialities of putting forward and solving many difficult problems in the study of traditional outlooks and their evolutions on the model of rather amorphous and largely lost zoolatric notions characteristic of this small Finn-Ugric people. The researcher's understanding of the "zoologic code" of the Veps' culture was greatly facilitated by the profuse field materials collected by I.Yu. Vinokurova, as well as by the wealth of domestic and foreign folklore/linguistic bibliography.

Key words: Veps, animals, outlook, reconstruction, monograph, review.

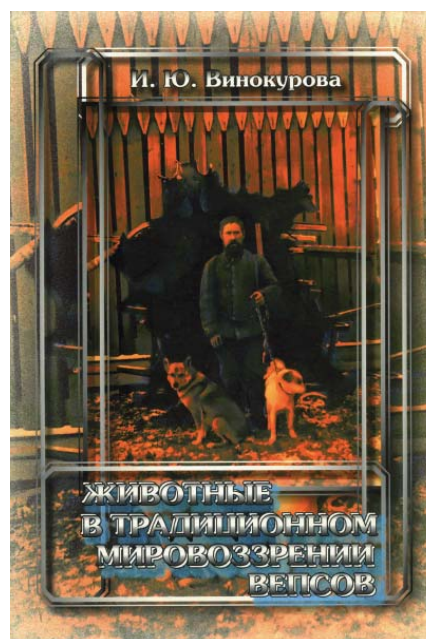
Наука о вепсах — автохтонном прибалтийско-финском народе, расселенном небольшими локальными сообществами между Онежским, Ладожским и Белым озерами, — молода, но ее успехи весьма значительны. Признанным международным центром современного междисциплинарного изучения вепсов уже многие десятилетия является Петрозаводск, в котором сосредоточены ведущие научные, учебные, архивные, музейные и библиотечные институции Республики Карелия: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводский государственный университет, Карельский государственный педагогический университет, Национальный архив, Национальный музей, Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы» и многие др.¹

В формировании вепсологии как комплексного направления в финно-угроведении и российской гуманитаристике в целом участвовали, начиная с первой трети XX в., многие выдающиеся археологи, лингвисты, историки, этнографы, фольклористы². В их числе представители вепсской национальной интеллигенции (Н.И. Богданов, С.А. Макарьев), а также финно-угроведы и слависты Ленинграда / Петербурга и Москвы (Д.В. Бубрих, В.В. Пименов, Н.Н. Гурина, Л.А. Голубева).

Весомый вклад в оснащение современной научной базы новыми подходами и методическими приемами, исследовательскими темами, особенно в сравнительном языкознании и топонимике, этномузыковедении и этноархитектуре внесли такие известные ученые, как М.И. Зайцева, М.И. Муллонен, Н.Г. Зайцева, И.И. Муллонен, археологи — А.М. Линевский, С.И. Кочуркина, архитекторы — В.П. Орфинский, И.Е. Гришина, этнографы — А.П. Косменко, З.И. Строгальщикова и И.Ю. Винокурова³.

За последние 30 лет представителями петрозаводской школы опубликовано большое число монографий и коллективных сборников, проведено не мало специальных конференций и встреч⁴. Заметный и яркий прорыв в вепсологии отражает общие процессы методологического обновления в гуманитарных исследованиях страны, а также конкретные результаты многовекторных междисциплинарных исследований в области региональной этнической и гражданской истории Карелии.

Среди тех, кто немало способствует развитию вепсской этнографии, — Ирина Юрьевна Винокурова, выпускница кафедры этнографии и антропологии Санкт-Петербургского университета, ныне заведующая сектором этнологии

ИЯЛИ Карельского научного центра РАН. Будучи специалистом по вепсской этнографии, И.Ю. Винокурова принадлежит к поколению российских этнографов, сохраняющих и развивающих традиции отечественной науки в источниковедческом, историографическом и методико-теоретическом отношении. Ее последняя монография «Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции)» была опубликована в 2006 г., а спустя год в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого состоялась успешная защита этой темы как докторской диссертации⁵. Опубликованные рецензии на эту книгу были написаны известными российскими фольклористами С.М. Лойтер и Л.В. Фадеевой⁶, однако оценки со стороны этнографов пока не последовало. Именно это оправдывает изложение таковой, пусть и спустя шесть лет после выхода обстоятельного труда И.Ю. Винокуровой.

Это многолетнее исследование — первый опыт фундаментального, абсолютно оригинального комплексного исследования «вепсской галереи животного мира» и имеет принципиально новаторское значение в мировой вепсологии. Оно не просто обобщает весь существующий — заметим, изначально незначительный, а также оригинальный весьма впечатляющий по объему авторский полевой материал, но и демонстрирует возможности постановки и разрешения сложнейших задач исследования традиционного мировоззрения и его эволюции на примере зоолатрических представлений этого прибалтийско-финского

народа. В этой связи работа Винокуровой свидетельствует о расширении вепсского исследовательского поля, в чем очевидна заслуга автора, которой принадлежат такие известные, ставшие первыми в современной вепсской этнологии монографии, как «Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX — начало XX в.)»⁷; «Традиционные праздники вепсов»⁸ и многочисленные статьи, изданные, в том числе и за рубежом.

Рецензируемую книгу следует оценивать с позиции достижений проблемного и методикотейоретического плана в области этнографии, религиоведения, фольклористики, этнолингвистики и культурной антропологии.

К методическим достоинствам исследования следует, прежде всего, отнести критический анализ устаревших, по справедливому мнению И.Ю. Винокуровой, ключевых для ее исследования понятий «культ», «культовый» и «почитание». Их оценка изложена автором в первом разделе введения, названном «Проблема выделения “культовых животных” в свете современных религиоведческих понятий». В нем подчеркивается, что в отечественной научной литературе существуют многочисленные разночтения и недоговоренности относительно их определения. Ирина Юрьевна предлагает свои трактовки. Культ животных понимается ею как «коллективное почитание какого-либо объекта, выраженное в совокупности различных мифолого-религиозных представлений и обрядов» (с. 6). И хотя эта формулировка кажется несколько пространной и чересчур осторожной, но в целом не вызывает особых возражений. Исходя из разности адальности зооморфных культов, автор предлагает рассматривать в качестве культовых / почитаемых животных: а) непосредственные объекты культа и б) представителей мира фауны, которые со временем и в результате трансформации зоолатрии стали «обслуживать» культы различных сверхъестественных существ (с. 9, 10).

В обосновании актуальности и подходов к теме автор исходит из общего тезиса о многогранности роли животных во всех сферах мыслительной, сакральной и хозяйственной деятельности человека и этнического сообщества. В связи с этим, по мнению И.Ю. Винокуровой, подобное исследование может стать и способом познания его важнейших этнокультурных характеристик. Именно этот тезис последовательно обосновывается и доказательно иллюстрируется автором на примере как всей вепсской зоолатрической системы, так и ее отдельных этнолокальных вариантов. Обращая внимание читателя на многообразие

и многофункциональность зооморфных образов у вепсов, И.Ю. Винокурова отмечает их присутствие в системе пространственно-временных координат; во взглядах на природу и болезни; в демонологии; в обрядовой, изобразительной и вербальной составляющих культуры; в оценке с их помощью физических, эмоциональных и интеллектуальных свойств человека. Изучение эволюции этих представлений, выяснение причин устойчивости одних, трансформации и забвения других связано с традиционной проблематикой выделения «культовых животных» в мировоззрении того или иного народа, а в данном случае — вепсов.

Главная цель исследования И.Ю. Винокуровой — реконструкция вепсских традиционных представлений о животных, осмысление «зоологического кода» вепсской культуры с позиции расширения знаний об их традиционном мировоззрении, построение собственно вепсского бестиария «из наиболее характерных для этнического мировоззрения диких и домашних особей, разделенных по иерархическому принципу — культовые / не культовые».

Подобная цель никогда не ставилась исследователями вепсской традиции и носит, безусловно, пионерный характер. При этом следует еще раз подчеркнуть незначительность исходной источниковой базы, а также крайнюю степень деструкции мифологической системы вепсов. Именно поэтому высокой оценки заслуживают поставленные и решенные автором в ходе исследования следующие задачи: воссоздание народной зоологической классификации и обнаружение ее критериев; рассмотрение религиозно-магических истоков зоо-орнито-эндоморфных представлений и культов в социально-хозяйственной, этнокультурной и межэтнической ретроспективе; выявление негативных представлений и обрядов в культах животных тотемического, промыслового и скотоводческого круга. Формулировка основных задач свидетельствует о четкости авторского подхода к заявленной теме, а сам текст монографии — об успешном их решении в контексте общей проблемы — реконструкции мифологической картины мира вепсов.

Другая важная исходная позиция автора основана на локальности вепсской культуры как основного фактора их этнической истории, длительности и глубине этнокультурного и социально-экономического взаимодействия с другими прибалтийско-финскими народами и русскими, многоуровневого влияния православия. Именно это обусловило использование при изучении вепсской этнозоолатрии религиоведческого и ареального подходов. Послед-

ний, по мнению автора «расширяет возможности семантизации фрагментарных представлений и их особенностей у локальных групп вепсского народа».

Неизученность и сложность темы потребовали применения особой комплексной методики. При этом избранные И.Ю. Винокуровой в качестве основных структурно-семиотических, типологический и сравнительно-исторический методы, как показали результаты исследования, оказались адекватны поставленной цели и задачам и наиболее продуктивны при изучении истоков и истории формирования народного мышления и коллективного знания. Так как автор рассматривает народные представления о мире животных в большом временном континуме (от эпохи финно-угорской общности и формирования прибалтийско-финской до современного состояния вепсской культуры во всем разнообразии ее локальных форм), то использование совокупности историко-генетических, историко-типологических и историко-диффузных способов сравнения позволило, прежде всего, выявить финно-угорские и прибалтийско-финские истоки вепсских мифологических представлений, а также отделить «архаический пласт в вепсском традиционном мировоззрении от влияния индоевропейской, славянской, русской мифологий и христианизированных представлений».

В качестве безусловной заслуги И.Ю. Винокуровой отмечу скрупулезную работу по сбору источников в ходе многолетней (начиная с 1981 г.) полевой работы у всех локальных групп вепсского населения, в том числе «обрусевшего», а также соседнего русского и карельского населения Северо-Запада РФ (Карелия, Ленинградская и Вологодская области). Специалистам известно, что основным источником знаний о традиционной культуре вепсов являются не документальные свидетельства далекого прошлого (число их крайне незначительно), а поздние полевые материалы. Анализируя историографию и состояние источников по исследуемой проблеме, автор диссертации уместно напоминает о том, что «вепсы стали объектом научного изучения сравнительно поздно — только во второй половине XIX в.», спустя ряд десятилетий после известного их «открытия» в 1824 г. А.И. (А.М.) Шегреном. К этому времени вепсская этническая традиция, да и вся культура претерпели значительные изменения в силу длительного взаимодействия с русской, в том числе городской культурой и, безусловно, православного вероисповедания. В силу этого, как пишет И.Ю. Винокурова, «многие ее самобытные явления и даже целые

области навсегда ушли в прошлое». Так, например, отсутствуют, характерные для других финно-угорских народов, космогонические и этиологические мифы. По этой причине автор использует чрезвычайно широкий и, на наш взгляд, исчерпывающий круг источников различных категорий, каждый из которых обладает своей степенью информативности и достоверности. Наряду с публикациями по этнографии, включая мало известные отечественным специалистам работы финских авторов, это и архивные данные, часть которых впервые выявлена Ириной Юрьевной и введена в научный оборот. Среди них — полевые фольклорные, лингвистические и этнографические материалы офицеров по просвещению, собранные в годы оккупации вепсского Прионежья финляндскими войсками во время Великой Отечественной войны — Ю. Перттолы, С. Вальякка, О. Хаккулинен, Ю. Райни и др. (хранятся в архиве Финского литературного общества — SKS). Наряду с ними в полном объеме использованы и проанализированы фольклорные, лингвистические, археологические, географические и зоологические публикации и источники (об этом свидетельствует библиографический список в конце книги).

Умелое и тонкое оперирование разнохарактерными источниками со всей очевидностью свидетельствует о высоком профессионализме автора, а приведенные почти исчерпывающие сведения о каждом представителе мира животных (пословицы, поговорки, былички, предания на фоне анализа вепсской зоотерминологии) позволяют назвать текст монографии своего рода энциклопедией народных знаний о мире животных. Высокая степень этнографической информативности многих параграфов, например, о ястребе, кукушке, лебеде, медведе, волке, зайце, змее, позволяет предположить, что они могли бы составить самостоятельный и весьма интересный сборник рассказов о животных для детей и взрослых. Для подтверждения сказанного приведу схему описания змей. В начале рассматривается «народная классификация змей», затем их происхождение, далее «змея в представлениях о жизни и смерти», «убийство змей», «“змеиные” болезни и их лечение»; «обережные обряды от змей», «семантика отдельных частей тела змеи» и в конце — «змея по вепским сказкам и лингвистическим источникам».

При реконструкции вепсской классификации представителей животного мира, основная сложность, как подчеркивает автор, заключалась в том, что к настоящему времени она сохранилась в виде довольно разрозненных

фрагментов. Однако И.Ю. Винокуровой удалось выделить следующие основные классы животных: *lindud* — птицы; *zverid*, *zvirid* — звери, дикие животные; *kalad* — рыбы; *küd*, *madod*, *ujelid* — змеи, червяки, гусеницы, т. е. «змееобразные»; *gaved'id* — насекомые; *živatad* — животные, *kodiživatad* (букв. «домашние животные») / *ičemoi živatad* (букв. «свои животные») — домашние животные, скот. Один из важных выводов автора состоит в том, что классы *lindud*, *zverid*, *kalad* выделяются достаточно отчетливо, образуя замкнутую группу. «В основе их выделения — пишет И.Ю. Винокурова, лежали два критерия: 1. Набор морфологических признаков, отличавших данную группу животных от всех остальных. Эти признаки были выявлены народом в процессе многовекового общения с природой и хозяйственной деятельностью. <...> Многие из морфологических черт животных классов мифологизировались <...> 2. Сфера обитания животного, определяемая понятиями “обычный” или “постоянный”, поскольку некоторые животные на какое-то время могли изменить свое место обитания: например, кукушка сесть на крышу дома или белка прибежать в деревню и т. д. Подобные ситуации обычно считались “чрезвычайными” и наполнялись мифологическим содержанием. Кроме того, многим животным приписывалась роль медиаторов или жителей сразу нескольких сфер обитания» (с. 31).

С определением других классов дело обстоит сложнее. Используя модель системного описания классов, конкретных групп и видов животных, созданную на славянском материале А.В. Гурой, А.Ф. Журавлевым⁹, а также на материалах иноэтничных традиций рядом исследователей (З.П. Соколова, Е.С. Новик, В.В. Напольских, В.Я. Петрухин, В.В. Мильков и др.), И.Ю. Винокурова осуществляет не только выделение основных представителей всех групп, но и обозначает время сложения состава того или иного класса. Для этого ею обстоятельно анализируется набор смысловых признаков в совокупности с обстоятельным лексическим анализом и в широком историко-культурном контексте. Из доказательно обозначенных классов вепсского bestiaria древнейшими, по мнению автора, т. е. восходящими к периоду уральского лингвокультурного единства, являются птицы, рыбы и змееобразные. Среди субстратных явлений, выявленных автором, прежде всего, отмечены запрет на убийство лебедя и поедание лебединого мяса; представления о небесном происхождении медведя и его связи с огнем, избира-

тельность нападения зверя — только на женщин, беременных мальчиком, культы бобра и лося (оленя); верования о духе-хозяине воды в облике щуки и т. д.

Представления же о кукушке — прародительнице клещей; жабе — носительнице кожных болезней; мифоповеденческий комплекс о связи кошки со змеей; «зоологические» верования и обряды с применением ольхи; использование муравьев в скотоводческой и любовной магии, кро́та — в пастушеской обрядности, а также формирование класса домашних животных у вепсов (собаки, лошади, крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, куры) исследователь относит к периоду существования единой прибалтийско-финской общности (II тыс. до н. э. — первые века н. э.), сложение и эволюция которой происходили в условиях контактов с балто-славянской и германской.

Труднее всего оказалось определить этнические истоки четвертого класса культовых животных, в который автор объединила змееобразных, земноводных и мышеобразных, олицетворявших духа хлева. Примерно те же животные исполняли функции домашних духов и у финнов, и у русских (шире — у славян). Собственно вепсский признак исследовательница видит в доминировании мыши в качестве духа хлева, поскольку у финнов (как и, добавлю, у севернорусских) эти представления связаны со змеей.

Относительно класса рыб (глава 5) И.Ю. Винокурова пришла к выводу, что видовое их разнообразие почти не отразилось в вепсском мировоззрении. Подобная ситуация характерна и для славянской мифологии (см. монографию А.В. Гуры), но отличается от прибалтийско-финской: например, в эстонском традиционном мировоззрении выявлено 22 представителя ихтиофауны. Собираемый образ рыбы в вепсском культе — весьма интересное и тонкое наблюдение автора, которому она не дает объяснения, но в котором, несомненно, определенную роль сыграло христианство, древним символом коего являлась рыба.

Наиболее ярко своеобразие вепсских зооморфных представлений, как считает И.Ю. Винокурова, проявилось в энтомологическом классе (глава 6); по крайней мере, набор культовых насекомых у вепсов значительно отличался от славянского (божья коровка, бабочка, оса, пчела, мошкара, комар, слепни, мухи, навозный жук, стрекоза, муравей, паук, кузнечик, сверчок, светлячок, клещ, домашние паразиты). К сожалению, за отсутствием финно-угорских данных исследователь не имела возможности выяснить корни вепсской мифо-

логической энтомологии, в поздних формах которой присутствуют финно-угорские элементы. Автор отмечает активное взаимодействие вепсских и русских энтомологических представлений.

К слову собственно вепсских явлений, связанных с почитанием животных, относятся названия и реалии периодов вепсского календаря *raimenan aig* и *vegaz aig*, разделяющих животных на два класса — домашних и диких; обряды жертвования твораго водоплавающей птице, сжигания кострики, рыболовной магии с поленом — «щуккой»; способы защиты хлебных запасов от мышей; жизнеутверждающее представление о клеще; многие фразеологизмы, пословицы и поговорки с образами животных и т. д.

Крупный анализ образов птиц, рыб, насекомых и животных, осуществленный с использованием лингвистических, образно-ритуальных, фольклорных данных, а также на основе конкретного локального бытования тех или иных комплексов представлений и действий, позволил автору выявить не только собственно вепскую классификацию мира животных, но и варьирование этой системы в тех или иных этнолокальных и этнодиалектных группах.

Русское влияние проявляется в отдельных птичьих образах, в основном связанных с христианской символикой (ласточка). В представлениях же о почитаемых зверях (глава 3) очевидно русское происхождение, но у разных локальных сообществ вепсов культурное значение имели разные звери (например, верования о барсуке бытовали только у капшинских вепсов, а о лосе — у южных и пязозерских вепсов).

Авторская модель описания вепсских культурных животных и птиц особенно убедительно продемонстрирована на примере водоплавающих (утки, лебедя, гуся) и медведя. Признаками последнего, как считает автор, стали отчетливые представления о нем в качестве: 1) тотема; 2) носителя огня; 3) духа-хозяина леса; 4) символа плодородия и плодovitости; 5) самого главного среди зверей (с. 372). Об этом, как пишет автор, говорит его «космическая сопричастность практически со всеми значимыми объектами вселенной; сила плодородия; уподобление и близость с человеком, нашедшие отражение в обрядах и других сферах вепсской культуры».

Представления о рыбах и лесном звере — барсуке свидетельствуют об их связи в прошлом с промысловым культом. В качестве некоторых пережитков последнего автор рас-

сматривает верование о том, что дух леса мог принять образ любого лесного животного, но чаще всего медведя.

Различной была степень почитания, прежде всего, домашних животных. Она зависела, по наблюдению исследовательницы, от степени полезности и роли в обеспечении благополучия крестьянского хозяйства и семьи. Таковыми были конь, корова, бык. Об этом говорят широкая распространенность лошадиных и коровьих праздников; густая сеть разнообразных обрядов заботы об этих животных; отсутствие негативных ритуалов (с. 375).

И.Ю. Винокурова исследует пути изменения культа животных у вепсов под влиянием аграрной культуры и позднейшей хозяйственной деятельности, в результате чего исчезали многие виды диких животных, рыб и птиц. Автор тщательно фиксирует все стадии изживания / редукции ритуалов. По ее мнению, исчезновение некоторых зооморфных культов свидетельствует о последней стадии исчезновения тотемических представлений. Так последним свидетельством почитания орла-беркута в прошлом можно считать, в частности, сохранение в вепсской традиции соответствующего антропонима. Темп эволюции прежних более развитых представлений показан на примере их вытеснения новыми образами. Исследованиями еще в первой половине XIX в. было документировано почитание вепсами оленя, а автору удалось засвидетельствовать уже пришедшее ему на смену почитание лося.

По выявленным И.Ю. Винокуровой данным, в вепсской народной классификации животного мира заметны следы иерархичности: например, как уже выше говорилось, медведь принадлежит к зверям наиболее высокого ранга. Кроме того, животные наделяются как положительными, так и отрицательными коннотациями. Под хорошими животными, в первую очередь, понимались полезные и безобидные, а под плохими — приносящие вред.

Не вызывает сомнения развернутый вывод о значительном влиянии на архаичные представления о животных и их культе у вепсов Православия. В вепсской мифологии существуют заимствованные из Библии сюжеты о сотворении мира, в том числе и о животных. По отношению к ним часто использовались характерные для христианства понятия о душе (птицы, летающие насекомые), грехе и посмертном воздаянии. Значительное число обрядовых действий и т. н. заветных праздников было приурочено к праздникам православного календаря: Рождеству, Крещению, Великому четвергу, Пасхе, Покрову Богородицы и дням

особо почитаемых святых — пророка Илии, свм. Георгия, свт. Николая, которые являлись в народном сознании святыми покровителями крестьянского скота.

Не все выводы И.Ю. Винокуровой имеют окончательный и безусловный характер, да и сама она на этом не настаивает, отмечая в одних случаях недостаточность источников, в том числе и сравнительных, в других — сильную деформацию вепских представлений, их русификацию и др. причины. Созданную классификацию автор именует «общей схемой народной зоологической классификации вепсов» (см. схемы 1 и 2) и отмечает ее существенное отличие от научной в количестве зоономинаций (крупных и мелких), в классификационных единицах, в признаках животных и т. д.: «Предварительно можно утверждать, что традиционная классификация строилась на мифологических (языческих) и христианских основах и что в ней нашли отражение народные естественнонаучные знания» (с. 41). Все ее неясности, как и подробности, предстоит определить в процессе дальнейшего исследования.

Созданный И.Ю. Винокуровой обширный свод данных о вепской зоолатрии позволяет современным исследователям финно-угорской культуры осуществить сравнительно-исторический анализ систем зооморфных образов у других прибалтийско-финских, а также урало-

Рис. 1. Вышивка на конце полотенца. В композиции: птица с распущенным хвостом и рапорт из двухголовых птиц по сторонам дерева. Вепсы. Ленинградская обл., Ефимовский р-н, Рагогощинский с/с. 1928 г. Фото З.П. Малиновской. РЭМ, колл. 5524-229

Рис. 2. Вышивка на конце полотенца. Сюжет: «журавли/аисты по сторонам купели». Вепсы. Ленинградская обл., Лодейнопольский р-н, д. Вонозеро. 1974 г. Экспедиция Д.А. Горб, З.Б. Предтеческой. РЭМ, колл. № 8417-258

Рис. 3. Вышивка на конце полотенца. Сюжет: лягушка-«роженца». Вепсы. Олонецкая губ., Лодейнопольский у., Каргинское общество. 1908 г. Экспедиция А.А. Баталина. РЭМ, колл. №1353-15

Рис. 4. Вышивка на конце полотенца. Сюжет: «двуглавый орел». Вепсы. Новгородская губ., Тихвинский у., Пелдужская вол., с. Пелдужи. Приобретение от А.В. Лесковой. РЭМ, колл. 218-20

поволжских и обских финно-угров. Не меньший интерес он вызовет и у специалистов по славянской, балтской и отчасти германской мифологии.

Как нам представляется, результаты исследования И.Ю. Винокуровой имеют большое значение и для этногенетических работ, ставящих своей целью выявление общих представлений в мировоззрении т. н. малых прибалтийско-финских народов Северо-Запада, культура которых, как принято считать, сильно деформировалась под влиянием русской традиции и христианства. К числу важных авторских наблюдений отнесу интересную закономерность, свидетельствующую, что «то или иное представление реализовалось в одном или сразу нескольких текстах этнической культуры — в обрядах, поверьях, данных языка и фольклора и т. д. Это воплощение в определенных текстах также неповторимо для каждого народа. Например, огненная природа лисицы у вепсов запечатлена в обрядах, лексике, кумулятивных сказках; у финнов — в поверьях; у русских — в сказках и загадках» (с. 371).

Последняя, 8-я, глава книги посвящена анализу современного состояния вепсских мифологических представлений о мире фауны и выявлению различных категорий носителей этих знаний, что позволило автору «увидеть конкретных участников процесса передачи культурного наследия», обозначить перспективы дальнейшего изучения.

Основные замечания скорее можно отнести к разряду пожеланий на будущее, и все они входят в один круг вопросов, специально на примере вепсской традиции и культуры не изучавшейся: роль Православия в формировании особенностей их мировидения; пути проникновения, формы выражения и интерпретации христианских идей. На основании исследований народного православия, осуществленного в последние десятилетия XX — начале XXI в. мы знаем, что разделение животных на чистых и нечистых, животных — символов конца света (мухи, пауки, три коня / лошади разной масти) у православных народов России закрепилось в устной традиции на основании уставной, канонической, житийной и апокрифической православной литературы. Очевидно православное влияние и в запретах на поедание мяса лошади, собаки, зайца, медведя и в сугубо негативной оценке попадания мыши и т.п. животных в утварь для чистой воды, на что И.Ю. Винокурова, к сожалению, не указывает и рассматривает лишь как осквернение «важнейших святынь крестьянского дома» — домашнего очага, стола, колодца. Наличие же

отличных или несовпадающих характеристик этих животных в вепсской системе вызывает необходимость более пристального изучения в более широком христианском контексте. Для развития и углубления темы следует привлечь и такие важные источники проникновения христианских образов животных, как книжная православная традиция, иконопись, храмовая роспись, культовая утварь, вышитые и тканые церковные покровы, пелены, священническое облачение, а также другие изделия монастырских ремесел, популярная литература и лубок.

Необходимо напомнить и о получившем широкое распространение в России с 1705 г. переводном бестиарии «Символы и эмблематы», чтобы увидеть европейские истоки ряда художественных образов мифологических животных. Это т. н. геральдические изображения барса, медведя, волка, двуглавого коронованного орла, характерные для многих видов прикладного искусства XVIII в. и оказавшие влияние на иконографию и символику зооморфных образов в произведениях народного искусства у крестьян Восточной и Западной Европы¹⁰. Многие канонические образы птиц и животных, известные в вепсской народной вышивке, ткачестве, отчасти резьбе по дереву, сложились под воздействием зооморфных символично-аллегорических персонажей. Иная же трактовка этих образов выглядит излишне архаизирующей, а иногда и явно ошибочной (например, образ лебедя, якобы присутствующий в орнаментике вепсов — с. 74). Думается, что причиной тому является следование И.Ю. Винокуровой отчасти устаревшей научной традиции в изучении вепсского народного искусства. Однако, на мой взгляд, здесь можно обозначить новые перспективы в изучении зоолатрической системы вепсов на примере образов и символов их предметного мира. Для иллюстрации этого сошлюсь на прилагаемые к рецензии фотографии экспонатов из вепсского собрания РЭМ (рис. 1—4). Это обрядово-ритуальные предметы — скатерти, полотенца, подзоры, а также компоненты народного костюма (рубахи, штаны), украшенные вышивкой, звериные мотивы и композиции которых имеют свои особенности в зависимости от назначения артефакта и месторасположения орнамента.

Остановлюсь и на одном из спорных теоретических вопросов в исследовании И.Ю. Винокуровой — попытке выявления круга животных, почитание которых отнесено автором к пережиткам тотемизма (медведь). Базовым положением ею избрано подвергнутое серье-

ной критике понимание тотемизма как самой древней формы почитания животных, которая была распространена у всех народов мира (автор ссылается на работы С.П. Нестерова и В.В. Милькова. С. 7). Вряд ли возможно отличить пережитки древнейших тотемических наслоений от более поздних напластований, и даже совокупность следов культа животных не являются доказательством существования тотемизма как слагаемого вепсской мифоритуальной системы. Следует прислушаться к словам выдающегося этнографа и социального антрополога К. Леви-Строса: «Тотемизм — это, прежде всего, проекция вовне нашего универсума и, подобно экзорцизму, — проекция ментальных установок, несовместимых с требованием прерывности между человеком и природой, которое поддерживалось христианским мышлением как существенное»¹¹. Избегать «тотемической иллюзии» (К. Леви-Строс)

можно было бы при обращении к трудам Ф. Боаса, Э. Кассирера, А. ван Геннепа, К. Леви-Строса и др. и обширным дискуссиям, продолжающимся до сих пор¹². Но и автор фундаментальной монографии «Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции)», будучи первопроходцем столь сложной темы, неустанно подчеркивает необходимость ее продолжения, углубления комплексной методики анализа, насыщения новыми теоретическими основаниями.

В заключение еще раз подчеркну, что исследование И.Ю. Винокуровой не только восстанавливает лакуны в знаниях о традиционной картине мира небольшого прибалтийско-финского народа, но и в полной мере отражает поступательное движение вепсологии в ее изучении. Не будет лишним отметить и востребованность работы автора в современной этнокультурной и образовательной практике.

¹ История, археология, этнография Карелии. Библиографический указатель литературы за 1966—1995 гг. / Сост.: О.П. Кошкина и др. — Петрозаводск, 2002.

² Орфинский В.П., Муллонен И.И., Винокурова И.Ю. Наука о вепсах на рубеже столетий // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (Памяти Н.И. Богданова) / Отв. ред. и сост. И.Ю. Винокурова. — Петрозаводск, 2006. — С. 7—23.

³ Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь. — Петрозаводск, 1991; Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. — Л., 1972; Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. — СПб., 1994; Она же. Топонимия Присвирья (Проблемы этноязыкового контактирования). — Петрозаводск, 2002; Косменко А.П. Народное изобразительное искусство вепсов. — Л., 1984; Она же. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. — Петрозаводск, 2002; Строгалыцкова З.И. Традиционное жилище Межозерья 1900—1960 (Опыт сравнительно-статистического анализа). — Л., 1986; Она же. Вепсы: историко-этнографический очерк. — Петрозаводск, 2008.

⁴ Проблемы истории и культуры вепсской народности. — Петрозаводск, 1989; Вепсы: история, культура, межэтнические контакты (памяти С.А. Макарова). — Петрозаводск, 1999; Вепсы: история, культура и межэтнические контакты: Сб. научных трудов. — Петрозаводск, 1999; Вепсы // Прибалтийско-финские народы России. — М., 2001; Вепсы и этнокультурные перемены XX века: Мат. межд. семинара // *Studia Slavica Finlandensia*. — Вып. 24. — Хельсинки, 2007; Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества: Мат. конф. — Петрозаводск, 2008; Вепсы: на рубеже XX—XXI вв. — Петрозаводск, 2008.

⁵ Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). — Петрозаводск, 2006; Она же. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Автореф. докт. ист. наук. — СПб., 2007.

⁶ Фадеева Л.В. Рецензия на: Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции) // Традиционная культура. — 2007. — № 2 (26). — С. 134—137; Лойтер С.М. Мир фауны в мифолого-религиозных представлениях вепсов // Живая старина. — 2008. — № 1. — С. 58, 59.

⁷ Винокурова И.Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX—начало XX в.). — СПб., 1994.

⁸ Винокурова И.Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX—начало XX в.). — Петрозаводск, 1996.

⁹ Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. — М., 1994; Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. — М., 1997.

¹⁰ Маркушевич А.И. Об источниках амстердамского издания «Символы и эмблемата» (1705) // Исследования и материалы. — Вып. 8. — М., 1963. — С. 279—290.

¹¹ Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. — М., 1994. — С. 25.

¹² Островский А.Б. Анализ мифов К. Леви-Строса: первобытное мышление и этнографический контекст // Советская этнография. — 1984. — № 5. — С. 51—53.